

ТелеРЭвизор

С кем из руководителей телекомпаний ни начни сегодня разговор, в 99 процентах случаев речь пойдет о сокращениях, увольнениях и прочих бедах.

С главой «ВиДа» Александром Любимовым беседа тоже началась с «кризисных» неприятностей. Но вскоре заговорили совсем о другом. Вряд ли кто из его коллег-конкурентов станет сегодня, осенью 98-го года, рассуждать о телевидении как о «способе передачи души». Любимов же и в разгар кризиса думает об этом. Иначе зачем вставать по утрам и ехать на работу?

Александр ЛЮБИМОВ,
президент телекомпании «Вид»:

ТВ — ЧАСТЬ ЖИЗНИ. И ЕЕ ЧЕСТЬ

— Как вам кажется, Саша, нынешняя ситуация хуже, чем в начале 90-х?

— Она принципиально сложнее, чем в 91-м или 93-м. Политический кризис создает некий вектор движения: 91-й год — это движение от коммунизма к демократии, 93-й — от псевдодемократии к чему-то новому. Сегодняшняя ситуация не создает никакого фактора. Это инфекция, которая не так заметна, но она поражает всю систему. Страна сегодня как никогда близка к фашизации.

— Как вам кажется, в кризисе осени-98 есть положительные стороны, может он стать неким моментом истины?

— В том смысле, что всем надо сосредоточиться, чтобы выжить, — да. В остальном у меня нет поводов переосмысливать свою жизнь. Я не участвовал в приватизации, не владею ни одним метром госсобственности. Терять мне нечего.

Да, приходится экономить, денег как и всем, не хватает. Впрочем, мне все равно не поверят. Считаюсь, что, если ты опрятно выглядишь и улыбаешься — ты богатый. Я люблю свое дело и готов экономить на себе, чтобы спасти главное.

— От каких проектов «Виду» придется отказаться, чтобы спасти главное?

— «Вид» существует не сам по себе, а в сложной цепочке взаимоотношений телевещателей и производителей. Сейчас телеканалы предлагают кризисную сетку, призванную компенсировать потерю доходов. Естественно, они хотят сохра-

нить как можно больше. Но переговоры ни с одним из каналов еще не закончились.

— Сегодня пугают: мол, телевидение станет малобюджетным. Может быть, к лучшему, просто сойдет дорогостоящая мишура? Ведь не все было так плохо на старом малобюджетном телевидении?

— Я бы не сравнивал даже кризисное телевидение с нашим старым. Тогда оно нас устраивало потому, что другого не знали. Сегодня иногда посмотришь старые записи того же «Взгляда», и остается только развести руками. Сейчас такое даже при малом бюджете никому не нужно.

Что касается мишуры... Я не продюсировал каналы, но, на мой взгляд, в последние два года многие чрезмерно увлеклись развлекательными программами и кино. Может быть, теперь от необходимости экономить сложится более оптимальная пропорция.

— Почему многие телекомпании, стартовавшие много позже вас, стали телеканалами (НТВ, например), а «Вид» — нет?

— Мы хотели взять, но нам не дали. Был обещан тендер по дециметровой частоте, но так и не был проведен. Что до НТВ, то в 93-м дали даже не им, а Гусинскому. Ну, слава Богу, хоть кому-то...

— У некоторых из ваших конкурентов существует мнение, что «Вид» стремится к контролю над первым каналом.

— Сколько существует «Вид», столько и ходят такие пересуды. Очень много людей на телевидении, которые дела-

ют карьеру за счет интриг. Это не есть честная конкуренция. Первым каналом владеет государство, которое выбрало себе партнеров, назначило руководство канала. А наше дело производить программы.

— «Взгляд» в его нынешнем виде — одна из немногих, если не единственная, «человеческая», обращенная к душам зрителей программа на нашем телевидении. При этом «Вид» производит и «Поле чудес», и «Угадай мелодию»... Вы стараетесь поддерживать некий баланс коммерческого и «человеческого»?

— Телевидение — это способ передачи души. Те, кто относится к телевидению иначе, — обречены. У них могут быть рейтинговые, даже влиятельные программы, но не популярные в хорошем смысле. Человеческие параметры — это самое сложное и самое важное на телевидении. Мы показываем простых нормальных людей во «Взгляде», такие же люди приходят на «Поле чудес», «Тему», в программу «Ищу тебя» или «Женские истории».

— «Угадай мелодию» — тоже способ передачи души?

— Конечно. Просто способ выбран другой.

— По какому принципу «Вид» формирует портфель своих программ?

— Мы делаем не то, что хотим, а, к сожалению, только то, что нам позволяют делать каналы. У нас много интересных проектов заморожено — каналы их не берут. В заголовке лежит документальная

драма, по-моему, вещь революционная. Событием может стать и новый формат игры «Большое человеческое шоу «Игра в жизнь». Параллельно со «Взглядом» им занимается Сережа Бодров. В телевизионном плане — это вещи поворотные.

— Почему вы прикрыли «Один на один»?

— Не я, а первый канал. Жалко. Это была единственная программа формата демократического общества. Политик должен уметь защитить свои убеждения в очном споре. По этому критерию можно судить об их профессионализме.

— «Взгляд» старый и «Взгляд» современный, по моему зрительскому ощущению, — разные передачи.

— Страна другая.

— Вы для себя как-то формулировали основные принципы нового «Взгляда»?

— Из всех потрясений, которые пережила страна за это время, единственно осмысленное было в 91-м году. Дальше надо было просто определяться, на что тратить свое время в жизни: продолжать воевать или что-то строить, и делать такое телевидение, которое соответствует определенной части русской души. Очень грубое определение, но точное. Вопрос — к чему обращаться, к инстинктам или к душе. Можно раздвигать в кадре, это быстро дает рейтинг. Но у «Взгляда» и без раздвиганий очень высокий рейтинг для достаточно позднего эфирного времени. Это опровергает апологетов формального телевидения, которые говорят: «Мы все склеим аккуратненько: здесь трупы, здесь голые женщины вставим, народ сожрет». Не сожрет. Люди у нас мудрее и чище, чем принято думать.

— По затратам души этот «Взгляд» дается тяжелее, чем прежний?

— Жизнь после 91-го года вообще дается тяжелее, и затратами души в том числе. Каждый день — колоссальное разочарование. В первую очередь в людях, с которыми ты каждый день встречаешься, начиная с президента и заканчивая многими другими.

— А Любимов десятилетней давности и нынешний — два разных человека?

— Вам виднее. Оптимизма и жизнелюбия я не растерял. Разве что постепенно становишься прагматичнее. И чувствуешь больше ответственности за добро и зло, которое делаешь, или за то твое добро, которое может обернуться злом для кого-то.

— За эти годы какие были самые большие потери и обретения?

— Потери — Владик. Никогда не мог себе представить, что такое произойдет, но война же. Обретения — детей много всяких родил...

— Много — это сколько?

— Четверых. Я хотел, чтобы было много детей. Дети — это другая часть жизни. В жизни и должно быть много всего разного.